

ЗАПАД
ПРОТИВ
РОССИИ

1000-летняя война

Лев
Вершинин

**ГРОЗНАЯ
РУСЬ**

ПРОТИВ
«СМЕРДЯКОВЩИНЫ»

Москва
2016

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В37

Вершинин, Лев Рэмович.

В37 Грозная Русь против «смердяковщины» / Лев Вершинин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 320 с. — (Запад против России. 1000-летняя война).

ISBN 978-5-699-84888-1

Нам не привыкать «бодаться» с Западом — первая война Московского Царства против европейской коалиции началась еще полтысячи лет назад, при Иване Грозном.

С той Ливонской войны ведут отсчет и оголтелая европейская русофобия, и подлая «СМЕРДЯКОВЩИНА» — пораженчество и предательство лакейской прозападной «элиты», — и самые грязные мифы о «русском рабстве», «кровавой тирании» и «массовых репрессиях» Ивана Грозного, якобы «убившего своего сына» (помните скандальную картину Репина?).

Но знаете ли вы, что при эксгумации, проведенной уже в XX веке, на черепе царевича не обнаружено никаких повреждений, а «черная легенда» о «деспоте-сыноубийце» вымышлена европейскими клеветниками и растиражирована «западниками» вроде Карамзина?

Эта книга опровергает самые опасные и злокачественные мифы «национал-предателей» о России, выводя на чистую воду всех смердяковых — и прежних, и нынешних, — всегда желавших поражения Отечеству и капитуляции перед европейскими захватчиками.

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вершинин Л.Р., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-84888-1

Часть I

ИВАНОВЫ ГОДЫ

Давно хотел написать об опричнине. И несколько раз приступал. А никак не получалось. И не мог понять почему. Но потом понял. Дело в том, что опричнина сама по себе просто часть жизни Ивана IV, государя Московского и всея Руси, не рассказав о которой к теме никак не приступить. Не начав с начала, мы просто не поймем, как сложилась очевидная противоречивость его характера, причудливо смешавшего в себе и надрыв, и жестокость, и равнодушие к крови, и чудовищно завышенную самооценку, и при этом — совершенно явное наличие совести, жалость к людям, стремление к добру и отрицание зла. Ведь, в конце концов, все мы родом из детства...

ГЛАВА I

Мальчик и тьма

Прочь длинные исторические панорамы.
Литературы тьма.

Ограничусь тем, что для меня безусловно: человек тяжек на подъем и трудно расстается с привычным, а потому, вполне возможно, Василий III так и откуковал бы с Соломонией Сабуровой век, оставив за бездетностью выморочный престол брату Юрию, кабы Елена не была Еленой Прекрасной. Без пояснений.

Кто плавал, тот знает и поймет. Она была очень красива (судя по сохранившимся прядям волос, медно-рыжим, скорее всего, еще и синеглаза), образованна, тактична, очень умна, и влюбился в нее великий князь без ума. Иначе бы по первому требованию не сбрил священную для тогдашней России бороду и не оделся бы по молодежной польской моде. Но были у молодой женщины еще и воля, и логика, и амбиции, и государственное мышление. В ситуации, когда мужа не стало, а в регентском совете дело дошло уже и до поножовщины, вдова сумела взять штурвал в руки. Она договорилась с митрополитом Даниилом, переманила (пусть и через койку) спикера Думы, авторитетного воеводу князя Овчину-Телепнева (он, судя по всему, вздыхал по ней еще при жизни супруга — но тогда о таком и речи не было, а вдова сама себе хозяйка), отстранила регентов (пожизненно упрятав в тюрьму самого опасного, собственного дядю Михаила) и, наконец, обезвредила мужниных братьев. Став в итоге реальной, все контролирующей правительницей на целых пять лет.

И правила, отмечу, очень недурно, по всем направлениям, добившись очень многого и во внутренней политике (вплоть до финансовой реформы), и во внешней, и в градостроительстве, и вообще. По мнению Татьяны Черниковой, знающей о Елене все, в период ее руководства положение государства настолько улучшилось, что *«народ пел о ней добрые песни, и некоторые из них в подмосковных деревнях помнили еще в начале XX века»*. Иное дело, что московская аристократия — реально, хотя и довольно мягко, без особых репрессий отстраненная от власти, — *«бесстыжую литвянку, государынину разлучницу»* ненавидела,

но позиции княгини были достаточно тверды, и опасаться было нечего. Так что, по всем приметам, детство у потерявших отца мальчиков — крепыша Вани и «убогого» (глухонемого) Юры должно было быть светлым. Безотцовщина, конечно, зато мама рядом, а мама в обиду не даст. И мама молодая — всего 28 лет, так что и в возраст введет, и на ум-разум наставит.

Но человек всего лишь предполагает.

В ночь с 3 на 4 апреля 1538 года Елена внезапно скончалась, причем, по словам очевидцев, и вид покойной, и положение ее тела ясно говорили, что умерла она в страшных конвульсиях и мучениях. Разумеется, сразу же заговорили об отравлении, и слухи были очень похожи на правду. В самом деле, по данным источников, в последний год жизни молодая, очень спортивная женщина страдала от какого-то непонятного недуга: жаловалась на слабость, головокружение, тошноту, которые, правда, проходили, когда регентша ездила на богомолье. Сама она, конечно, предполагала, что помогают молитвы, но скорее всего, облегчение наступало потому, что источник недуга был где-то во дворце. Но кто же мог думать? Относительно недавно подтвердилось, что в останках молодой женщины очень велико содержание ртути, то есть, вполне возможно, ее изводили парами. Конечно, можно допустить, что ртуть содержалась и в каких-то мазях или косметике, но очень настораживает спешка, с которой Елену похоронили: вопреки обычаю, в тот же день, едва дав родственникам проститься. Опять же летописью отмечено, что во время прощания плакали только двое: старший сын Иван и князь Овчина-Телепнев. Да и Сигизмунд Герберштейн уверен, что Елена Ва-

сильевна, *«погубив дядю ядом, немного спустя сама погибла от яда».*

Как бы то ни было, руководство стало коллегиальным.

Однако всего семь дней спустя Овчина был арестован людьми Шуйских, заточен и быстро уморен голодом, а его сестра Аграфена, «мамка» княжичей, сослана в северный монастырь. Ее место занял «дядька» из окружения тех же Шуйских, к малышам относившийся безразлично. Чуть позже отрубили голову ближайшему советнику Василия III и Елены дьяку Федору Мишурину, как прямо говорит летопись, «не любя того, что он стоял за великого князя дела». Короче, весь княжеский аппарат был порван в клочки. Главой же правительства — с давным-давно и прочно забытым титулом «наместника московского», — наскоро обвенчавшись с кузиной малолетнего князя, то есть породнившись с княжеским родом, стал глава клана, видный воевода Василий Шуйский Немой, формально вернув ситуацию к тому, что завещал, умирая, Василий III: совместному регентскому правлению.

Ни с кем ничего совмещать он, впрочем, не намеревался.

Соппротивление главного оппонирующего клана сломали, вновь заточив в темницу вышедшего было на волю Ивана Бельского, посаженного Еленой, и позиции Шуйских упрочились настолько, что после смерти Немого в ноябре того же года пост без всяких возражений с чьей-либо стороны занял его младший брат Иван. Тот самый, которого маленький великий князь запомнил на всю жизнь: *«Нам бо в юности детства играюще, а князь Иван Васильевич сидит на лавке, локтем опершиися, отца нашего на постелю ногу по-*

ложив, к нам же не преклоняясь». Ему удалось 2 февраля 1539 года сместить ненадежного митрополита Даниила, соратника покойного князя и его жены, и провести на престол своего Иоасафа. Однако именно новый владыка, объединив противников всевластия Шуйских, в 1540-м пробил (от имени малолетнего князя, который ничего не решал) решение Думы об освобождении Ивана Бельского, после чего создал вместе с бывшим узником правящий «дуумвират первосоветников», а Ивана Шуйского отправили в почетную ссылку во Владимир.

Что самое обидное, весь этот лютый бардак проис- текал даже не из политики.

Такое впечатление, что аристократам, дорвавшимся до воли, политика была до лампочки, а вся суть непри- миримой вражды заключалась в том, что, как подме- чает *«Летописец начала царства»*, *«многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племенех, всяк своим печется, а не государьским, не земьским»*. То есть рва- ли одеяло как могли, лишь бы навсегда, менее всего заботясь о государственных интересах. А это понем- ногу начинало бесить Землю, чем и воспользовались отстраненные от власти Шуйские, изображавшие себя *«пострадавшими за правду»*. В самом начале января 1542 года *«кровные Рюриковичи»*, приведя в Москву несколько владимирских дворянских полков, выгнали из Кремля *«кровных Гедиминовичей»*. Ивана Бель- ского вывезли на Белоозеро, где вскоре (в мае) и уда- вили. Митрополита Иоасафа до полусмерти избili на глазах у перепуганных Вани и Юры, затем прогнав и посадив на митрополичий престол *«своего»*, Макария. Который, однако, оказался совсем не прост. Восполь- зовавшись тем, что Москва устала и от Шуйских, и

от Бельских, и вообще от «боярщины» — «*И бысть мятеж велик в то время на Москве*», гласит Никоновская летопись, — новый владыка сумел выступить посредником между Кремлем и Городом, предотвратив общую резню. Став в итоге, неожиданно для Шуйских, одним из лидеров потенциальной оппозиции, которая не могла не появиться, потому что краткая, но яркая эпоха «шуйщины» затмила все, виденное Москвой до того.

В отличие от братьев, Андрей Михайлович Шуйский, ставший после смерти кузена Ивана в мае 1542 года наместником, государственного мышления не имел вообще, будучи по натуре прохвостом и беспредельщиком. Отсидев все правление Елены в тюрьме за участие в мятеже Юрия Дмитровского, он был назначен братьями правителем Пскова, который, по выражению современника, «*изграбил, злодей, изорвал аки лев алчный*». Теперь, оказавшись у руля, он мог реализовать свои задатки на все сто и ограничивать родню с клиентами резона не видел. «*Племя*» захватило все «доходные места», разогнало весь государственный аппарат, сам князь Андрей вывез из Кремля даже государеву казну. Как опять-таки свидетельствует летописец, они «*кийждо себе различных и высочайших санов желаху... И нача в них быти самолюбие и неправда и желание хищения чюжого имения. И воздвигоша велию крамолу между себе и властолюбия ради друг друга коварствоваху... На своих друзей восстающе, и дома их села себе притяжаша и сокровища свои наполниша неправедного богатства*». Противостоять этой саранче, казалось, уже не может никто и ничто — и менее всего маленький великий князь, которого, в сущности, если не убили, то только потому, что власти

нужен был символ: без него неизбежно началась бы полномасштабная гражданская война, а ее все-таки боялись все клики.

В принципе, нет нужды гадать, как воспринимал происходящее Иван.

Он сам об этом рассказывает. *«Остались мы сиротами. Никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога, Пречистую Богородицу, на всех святых и родительское благословение. Было мне в то время восемь лет; подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас, государях своих, заботиться не стали, бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга. И чего только они не наделали! Сколько бояр и воевод, доброжелателей нашего отца перебили! Дворы, села и имения наших дядей взяли себе и водворились в них!..»* И дальше: *«Нас с покойным братом начали воспитывать как нищих. Какой только нужды не натерпелись мы в одежде и пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, оперши локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга на своих господ. Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности? Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать о доставшейся мне казне родительской? Все расхитили коварным образом... Взяли себе бесчисленную казну деда и отца нашего, и дядей... Потом они напали на наши города, и села, и имения, а в них живущих без милости пограбили... Делали вид, что*

правят, а сами устраивали неправды и беспорядки, от всех брали безмерную мзду и «по мзде творяще и глаголюще».

Такое не придумаешь.

Естественно, в политике (кто у кого какой город отнял и прочее) мальчик тогда разбираться не мог, это он уже потом выяснил, но вот про «*Многажды же... ядох не по своей воле*» и «*жил яко убожайшая чадь*» запомнилось намертво. И про бояр, уносивших из дворца всякую «кузнь» (серебро и золото) и «рухлядь» (меха и ткани). И, тем паче, унижительное «*ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга*» — то есть вообще никак, словно на пустое место. Такое надо было в самом деле пережить.

И тем более факт есть факт: детям нужно, чтобы их любили, а Ивана не любил никто. То есть любили, конечно, но любивших стирали в пыль. Папа умер. Мама умерла, и мальчик знал (разговоры шли в открытую), что ее погубили бояре. И дядю, маминого дружка, который наверняка был с Ваней ласков, тоже погубили они. И батьку Даниила прогнали. И батьку Иоасафа прогнали. И это тоже, можете не сомневаться, отложилось. Не зря же потом, много позже, минимальная принадлежность к клану Шуйских — родство ли, свойство, дружеские связи — при малейшем подозрении шло за отягчающее. А вот причастность к Бельским, которые, по крайней мере, не запомнились с детства худо, — наоборот. Им мирволил. Недаром же из их худой ветви отобрал и Малюту, и Богдана.

Но это было потом. А пока что Шуйские очень ревностно следили за попытками чужих «приручить» мальчика. И когда боярин Федор Воронцов начал проявлять к пацану какой-то интерес и Ваня к нему по-

тянулся, «природные Рюриковичи» приняли меры. 9 сентября 1543 года, прямо на заседании Думы, на глазах великого князя, Воронцова избили, выгнали прочь и не убили только по слезной просьбе царя и митрополита Макария. Причем *«в кою пору от государя митрополит ходил к Шуйским, и в ту пору Фома Петров, сын Головина, на манатью (мантию) наступил и манатью на митрополите подрал»*. И вот тут есть смысл подумать. Мог Ваня попросить митрополита вступить за Федора? Мог? Откликнулись бы на просьбу Шуйские, будь на то только их воля? Вряд ли. Этот человек был им опасен, а пощады они не знали. И рычагов, чтобы надавить, у малого еще не было. Но все-таки пощадили, пусть и не без скандала.

Отсюда вывод: рычаги были у Макария, и этот вывод верен. Макарий и раньше, еще в архиепископах, имел шикарную репутацию (*«по всей России слава о нем происхождаша»*), а после событий начала 1542 года к его мнению прислушивался и посад. Но один в поле не воин. В таких ситуациях вокруг лидера всегда формируются группы поддержки. И здесь сложно не согласиться с исследователем: действительно, *«слова летописи о том, что Воронцов пал жертвой Шуйских вследствие особого расположения к нему великого князя, являются лишь традиционной формулой, определявшей ту видную роль, которую, очевидно, Воронцов играл в правящих кругах»*. Во всяком случае, после вмешательства митрополита Федора Воронцова не просто пощадили, сослав куда подальше, но дали назначение воеводой в престижную Кострому. То есть была при дворе некая оппозирующая Шуйским «партия», каковая не могла быть не чем иным, кроме как «партией митрополита». Именем же Ивана всего

лишь воспользовались в очередной раз, но, что очень важно — впервые с его сознательного согласия, дав понять отроку, что он не тварь дрожащая и он уже не одинок. Вполне возможно, в результате долгих «молитвенных» разговоров с глазу на глаз, на что глава церкви имел полное право.

С этого момента события развиваются стремительно.

Всего неделю спустя, 16 сентября 1543 года, Макарий благословляет государя на богомолье, в Троице-Сергиев монастырь, в сопровождении *«неких верных бояр»*. Ничего подозрительного, надо же кому-то охранять князя, да и помолиться людям тоже надо. Но внимание: князь Михайло Щербатов, размышляя над событиями той осени, называет их последним толчком к падению Шуйских. По его мнению, Иван, *«не утвердя свою власть, не осмелился с опасностью не иметь повиновения, вдруг оную показать»* и *«сега ради, скрыв свое огорчение, якобы для моления поехал в Троицкий монастырь. Сие время, имея при себе некоторое число бояр, употребил он для открытия туги сердца своего. Не невероятно, чтобы и сами бояре, терпящие от самовластия Шуйских, не побудили его к оказанию своей власти и к наказанию Шуйских... и тако уже в намерении явить свою власть возвратился (Иван) в Москву»*. С чем согласен и коллега князя из XX века: видимо, пишет Смирнов, именно в те дни было *«предрешено то, что произошло 29 декабря 1543 года»*.

То есть переворот, когда *«князь великий Иван Васильевич всяя Руси, не мога того терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят (...), и велел поимати первосоветника их, князя Андрея Шуйского, и велел его предати псарям, — и псари взяша и убише его, влекуще*

к тюрьмам, и лежал наг в воротах два часа — а советников его розослал — и Фому Головина и иных». Учитывая, что просто так Шуйский, сопровождаемый слугами, псарям бы не дался, приходится признать, что приказ государя опирался на большую силу — тех бояр, которых отправлял с ним на богомолье Макарий. А если еще и обратить внимание на тот факт, что первым сосланным стал Фома Головин, за три месяца до того оскорбивший митрополита, вопрос о том, кто реально отдал приказ устранять «наместника», можно считать закрытым.

ГЛАВА II

Мальчик со шпагой

Падение Шуйских (многие из них поехали в ссылку) изменило конфигурацию сил при дворе. Начисто. Резко усилилась «партия митрополита». Естественно, Иван вызвал из ссылки Федора Воронцова, сделал его боярином, а тот подтянул близких ему людей типа брата Василия и князя Ивана Кубенского. Однако очень скоро выяснилось, что Федор вовсе не так прост. Сразу после возвышения он, как сообщают летописи, «возжелал правити» без всякого вмешательства царя и вел себя бестактно, «сердяся», когда Иван решал что-то сам или без спроса жаловал кого-то из бояр. А это было недальновидно. Политикой подросток, как отмечают все исследователи, тогда еще не интересовался вовсе, но вновь оседлать себя, почуввав волю, уже не позволял никому. Тем паче теперь, когда он заявил о себе и стал самостоятельной фигурой, к нему потянулось «бояр множество». Что и понятно: глядя в уже неда-